

Линь Цинюй весь день не выходил из дома. Из дворца по-прежнему не было никаких новостей. Он даже попросил Хуань Туна сходить в дом Ху Цзи, чтобы узнать новости, но лекарь Ху до сих пор не вернулся из дворца. Скорее всего, он все еще был в Восточном дворце.

Вечером второго дня после инцидента в Восточном дворце Линь Цинюй вернулся в Императорскую лечебницу на дежурство. Некоторые из императорских лекарей, которые в тот день отправились в Восточный дворец, уже были здесь. Все они торопливо работали, и ни один из них не проронил ни слова о ситуации с наследным принцем. Линь Цинюй спрашивал несколько раз, но все только отвечали, что наследный принц внезапно заболел и ему просто нужно немного отдохнуть.

Неужели они принимают его за идиота? Хотя Линь Цинюй не мог видеть их рецепты, но, проверив, каких лекарств не хватает в аптеке, он знал, что Сяо Чэн получил серьезную травму и потерял много крови, скорее всего, он получил травму грудной клетки, повредив легкие.

На третий день после инцидента Ху Цзи, наконец, тоже вернулся в Императорскую лечебницу. На нем была все та же форма, что и три дня назад, рукава испачканы кровью. Сам он был изнурен до такой степени, что почти выпадал из реальности.

Линь Цинюй предложил довести его до дома. В повозке Ху Цзи рассказал Линь Цинюю, что Его высочество был не болен, а ранен мечом.

«В тот день, когда я прибыл в Восточный дворец, наследного принца уже отнесли на кровать. На нем были только нижние одежды. На груди – кровавая дыра. Все его тело было залито кровью, глаза оставались широко раскрыты, но, находясь в сознании, он не произнес ни слова, — вспоминая ту сцену, Ху Цзи почувствовал, что его снова накрывает волна страха, он до сих пор не оправился от потрясения. — Я бросился вперед, чтобы попытаться остановить кровотечение, но он внезапно схватил меня за одежду и прошептал: «Верните его...» — а затем потерял сознание. Когда я уходил, он все еще не очнулся».

Линь Цинюю было все равно, что сказал Сяо Чэн, прежде чем впал в беспамятство. Он просто хотел знать, смертельно или нет его ранение. «Как ты думаешь, какова вероятность, что наследный принц очнется?»

Ху Цзи покачал головой с кривой улыбкой: «Прогноз не утешителен. Один к трем, что он очнется».

Один к трем... все еще слишком много.

Ху Цзи добавил: «Однако левое легкое наследного принца было повреждено. Даже если на этот раз ему удастся вернуться из-за грани, боюсь, что в будущем лекарства будут сопровождать его до конца жизни. Он станет горшком с лекарствами*».

[Примечание: 药罐 / yàoguànzǐ. 1) горшок для варки лекарств. 2) горшок с лекарствами (обр. о человеке, любящем чрезмерно употреблять лекарства или вечно больном).]

Линь Цинюй все еще не мог смириться с таким положением. Что такое поврежденное левое легкое? Если бы меч Шэнь Хуайши сдвинулся еще чуть-чуть, он смог бы пронзить сердце Сяо Чэна. Вот что он хотел услышать.

Лишь на мгновение замаявшись Линь Цинюй спросил: «Ху Цзи, ты всегда будешь делать все возможное, чтобы излечить пациента, независимо от того, кто он?»

Ху Цзи без колебаний ответил: «Конечно, это мой принцип».

Линь Цинюй больше ничего не спрашивал. Ху Цзи изучал медицину, чтобы отвоевывать у смерти больных недугами и лечить раненых. Даже если пациент оказался бы отъявленным негодяем, он, вероятно, сначала бы спас человека, и только потом передал бы его властям. С другой стороны, Линь Цинюй, изучал медицину, яды и Гу просто потому, что ему это нравилось. Он даже использовал их, чтобы причинять вред другим людям. Но он уважал чужие идеи и не хотел сбивать Ху Цзи с пути медицины.

Самое главное, что даже если у Ху Цзи хватило бы духу что-то сделать, другие императорские лекари не были слепыми. Каждая чаша с лекарством в Восточном дворце проверяется на наличие яда. Убийство наследного принца считается тяжким преступлением, виновный со всей семьей приговаривается к смертной казни. Он не мог действовать столь опрометчиво из-за страха за свою семью.

Неужели, им остается полагаться только на судьбу?

Ху Цзи так устал, что не мог держать глаза открытыми. И все же, он не забыл предупредить Линь Цинюя: «Кстати, император издал указ. Распространение сведений о покушении на наследного принца карается смертью. Лекарь Линь не должен рассказывать об этом другим».

Линь Цинюй кивнул и успокоил его: «Не волнуйся, я не пророню ни слова».

Пообещав это, Линь Цинюй немедленно сообщил обо всем Гу Фучжоу.

В течение последних нескольких дней Гу Фучжоу бегал к дому Цинюя всякий раз, когда у него было свободное время. К этому моменту настаивать на том, что они относятся друг к другу только как приемные братья, просто не имело смысла. Однако Цинюй был не в том настроении, чтобы думать еще и об этом.

Когда Гу Фучжоу узнал, о тридцатипроцентной вероятности того, что Сяо Чэн сможет выкарабкаться, то не обрадовался: «Если Ху Цзи говорит, что шансов у него один к трем, то можно смело утверждать, что в девяти из десяти случаев он выживет».

«Почему так?»

«Сяо Чэн – главный герой оригинальной книги, а вокруг главных героев всегда есть ореол. Давай объясню на примере, хм... даже если в Сяо Чэна выпустить тучу стрел, он может остаться невредимым».

Линь Цинью уточнил: «Проще говоря, ему очень везет?»

Гу Фучжоу улыбнулся, подтверждая: «Можно сказать и так».

«Шэнь Хуайши тоже главный герой. Разве у него не будет подобного ореола?»

«Да. Не смотри на то, каким несчастным он может быть сейчас. Он определенно не умрет. Если кто-то другой попытается убить наследного принца, в лучшем случае он отделается серьезным ранением, таким, как сейчас у принца. А он ударил Сяо Чэна мечом в грудь и все же сумел убежать невредимым. Разве ты бы не назвал это ореолом?»

Линь Цинью не был до конца убежден: «Шэнь Хуайши смог сбежать из дворца благодаря своим боевым навыкам, разве не так?»

Пока они разговаривали, Хуань Тун прервал их, сказав, что в их дверь чуть ранее постучал неизвестный мальчишка. Когда он открыл дверь, тот, не говоря ни слова, сунул ему в руку записку. К тому времени, когда он пришел в себя, ребенок уже убежал.

«Где записка? — спросил Линь Цинью. — Принеси ее мне, я хочу взглянуть на нее».

На бумажке было написано всего несколько слов. Увидев записку, Линь Цинью немедленно приказал: «Приготовьте экипаж. Я направляюсь в храм Чаншэн».

Линь Цинью переоделся в повседневную одежду и вместе с Гу Фучжоу отправился в храм Чаншэн. Прежде чем выйти из экипажа, Линь Цинью выдвинул предложение: «Возможно, будет лучше, если ты подождешь меня в экипаже».

«А? Почему это?»

«Здесь много людей. Ты готов позволить другим увидеть, как ты встречаешься с „вдовой“?»

Гу Фучжоу некоторое время делал вид, что обдумывает его слова: «Кажется, готов».

Линь Цинью не мог удержаться от смеха: «Тогда пошли вместе».

На улице шел осенний дождь, низвергаясь непрерывным потоком, словно желая утопить все вокруг в слезах неба. Гу Фучжоу первым вышел из повозки. Он раскрыл зонтик, помогая Линь Цинюю спуститься. Тот положил свою руку на его ладонь и, пользуясь его поддержкой, тоже спустился. Как только он твердо встал на землю, то сразу отпустил его руку. Позади себя он услышал чье-то холодное фырканье: «Какое неприличное поведение!»

Линь Цинюй оглянулся и увидел старика, который смотрел на них с праведным негодованием, как будто он увидел что-то грязное.

Гу Фучжоу тихо спросил: «Кто это?»

«Старший цензор* Ян Гэн».

[Примечание: Тут возможны неточности в названии должности ибо в разных династиях данные иероглифы трактовались по-разному. Я приведу все возможные переводы и выберу более подходящий по смыслу, не углубляясь в дебри истории. censor / yùshìzhōngchéng. 1) личный секретарь императора (с дин. Цинь и Хань). 2) старший цензор, начальник цензората (с вост. Хань).]

Гу Фучжоу неторопливо заметил: «Он уже такой старый, но все еще гражданский чиновник пятого класса, как и ты. На его месте я бы кровью написал слово „несчастный“ на своих штанах*».

[Примечание: В прошлом Ли Сы (премьер - министр династии Цин) был приговорен к казни через разрубание по пояснице. Это было очень жестокое наказание. После казни окровавленными руками Ли Сы написал семь слов «несчастный», прежде чем умереть.

В комедийном фильме Стивена Чоу «Мелкий чиновник 9 класса», чтобы напугать подозреваемого в лжесвидетельстве, Стивен Чоу попросил У Мэнда притвориться заключенным, которому разрубили поясницу, и схватил подозреваемого за ногу, сказав, что хочет написать на его штанине слово «несчастный».

Все они хотят выразить свое ни с чем не сравнимое страдание и боль.

Я просто даю вам предысторию, остальное додумайте сами.]

Ян Гэн видел, как они вместе прятались под зонтиком, и даже прижимались друг к другу, перешептываясь. Он не мог разобрать, что они говорили, к тому же они закрыли лица рукавами, как будто не замечали его вовсе.

Вдруг Гу Фучжоу окликнул его: «Ян Дарен».

Все цензоры отличались несколько упрямым нравом, и Ян Гэн не был исключением. С

неприятным выражением лица он подошел к Гу Фучжоу и отдал честь: «Этот чиновник приветствует генерала».

Гу Фучжоу спросил: «Кого вы имели в виду, когда говорили о неприличном поведении?»

«Естественно, этот чиновник не имел в виду генерала. — Ян Гэн строго посмотрел на Линь Цинюя, продолжив. — Императорский лекарь Линь, если я правильно помню, еще не прошло и года с тех пор, как молодой мастер Хоу покинул этот мир. Вы все еще должны соблюдать траур. Как вы можете быть так близки с другими мужчинами?»

Гу Фучжоу заметил: «Императорский лекарь Линь – приемный брат этого генерала».

«Приемный брат по-прежнему остается посторонним мужчиной».

«Согласно тому, что вы сказали, император тоже посторонний мужчина. Императорский лекарь Линь каждый день ходит проверять пульс его величества. Вы называете и поведение императора неприличным?»

Ян Гэн посмотрел прямо на него. Взволнованный и раздраженный, он ответил: «Генерал спорит вопреки здравому смыслу. Как это может быть то же самое...»

«Чем это отличается? — продолжал спокойно рассуждать Гу Фучжоу. — Должность императорского лекаря Линь была дарована ему самим императором, и император сделал это, не обращая внимания на его статус супруги-мужчины. Поскольку Ян Дарен так сильно переживает по этому поводу, не лучше ли ему сообщить об этом императору и попросить его величество освободить императорского лекаря Линь от должности?»

«Это...» — Ян Гэн потерял дар речи. Во дворце не было никого, кто не знал бы, что именно благодаря Линь Цинюю императору удалось очнуться от беспамятства. Просить его величество снять Линь Цинюя с должности было сродни угрозе здоровью самого императора. Хотя в Даюй не стали бы убивать императорского цензора за советы императору, но именно сейчас никто не осмелился бы сказать подобное его величеству.

Линь Цинюй проговорил: «Генерал, у нас есть срочное дело, которым нужно заняться. Мы уйдем первыми».

Они вдвоем направились к центральному залу. Как раз в тот момент, когда Гу Фучжоу собирался послать в адрес Ян Гэна парочку проклятий, он услышал, как Линь Цинюй холодно фыркнул: «Тупой мудака».

Гу Фучжоу на мгновение опешил, подумав, что неправильно расслышал, переспросив: «Как ты его только что назвал?»

«Тупой мудака».

Потрясенный Гу Фучжоу бессвязно пробормотал: «Как ты можешь так говорить?!»

«Я научился этому у тебя. — Линь Циньюй прищурился, взглянув на него. — Что? Ты можешь это говорить, а я не могу?»

«Конечно, такие красивые мужчины не должны материться».

Линь Циньюй презрительно проговорил: «Я сейчас лопну от смеха».

Гу Фучжоу винил себя, горько вздыхая: «Я дурно влияю на тебя».

В такой дождливый день количество паломников в храме Чаншэн было намного меньше, чем обычно. Всего несколько человек возжигали благовония и молились перед статуей золотого Будды. Линь Циньюй огляделся и не увидел ничего необычного.

Человек, написавший записку, пригласил его встретиться с ним в храме Чаншэн. Маловероятно, что он имел в виду центральный зал храма. В это время вперед вышел маленький монах и спросил, не хотят ли они возжечь благовония. Линь Циньюй попросил три палочки благовоний.

Гу Фучжоу спросил: «О каком благословении ты хотел бы попросить?»

Даже перед Буддой Линь Циньюй не пытался скрыть свою злобу: «Я молюсь, чтобы Сяо Чэн поскорее умер».

Гу Фучжоу улыбаясь заметил: «Ну почему ты такой милый? Однако молиться о таком в храме Чаншэн кажется не очень уместным*».

[Примечание: 長生 / chángshēng. 1) быть бессмертным; долголетие; вечная жизнь, бессмертие. Поэтому молитвы в таком храме неэффективны..]

Линь Циньюй зажег благовония и небрежно бросил: «А ты пробовал?»

«Да. — Гу Фучжоу рассеянно проговорил. — Если бы молитвы здесь сбывались, у тебя бы не было грустных моментов».

[Примечание: Печальные моменты здесь относятся как к прошлому, так и к будущему.]

У Линь Циньюй кольнуло в груди, он посмотрел на человека рядом с собой. Гу Фучжоу,

казалось, не понял, о чем тот сейчас вспомнил, поэтому посмотрел на Линь Цинюя, интересуясь: «Почему ты так смотришь на меня?»

«...Ничего, — Линь Цинюй опустил глаза. — Я пойду посмотрю в зале сбоку. В последний раз, когда я встретил его в храме Чаншэн, он был там».

Гу Фучжоу кивнул.

«Иди, — поскольку он не был знаком с Шэнь Хуайши, встречаться при таких обстоятельствах было неуместно. — Я пойду в удаленный зал, чтобы посмотреть, там ли Сюй Цзюньюань».

«Учитель нации? — Линь Цинюй нахмурился. — Ты собираешься рассказать ему... о себе?»

«Я не собираюсь заходить так далеко. Самое большее, о чем я хочу его попросить, это гадание».

Они разделились и Линь Цинюй один прошел в боковой зал. Там было еще более пустынно, чем в центральном зале. Среди присутствующих здесь не было ни одного монаха. Здесь хранились табличка Лу Ваньчэна и его неугасимая лампада. Когда Линь Цинюй добавлял ламповое масло в лампаду, он краем глаза заметил прячущуюся за каменной колонной фигуру.

Линь Цинюй обернулся и сказал: «Я здесь один».

Шэнь Хуайши вышел из-за каменной колонны, поприветствовав его с застывшим выражением лица: «Императорский лекарь Линь».

Шэнь Хуайши был одет в одежду из грубой ткани, что носят простые люди. Испачканное в пыли и заросшее щетиной лицо, налитые кровью глаза. Он выглядел крайне подавленным и потерявшим всякую надежду. Кто знает, как долго он не спал.

Линь Цинюй спросил: «Где ты был последние несколько дней?»

Шэнь Хуайши, казалось, не слышал вопроса Линь Цинюя. Пробормотав себе под нос, он поблагодарил: «Спасибо вам, императорский лекарь Линь, за то, что рассказали мне о Вратах Небесной Тюрьмы».

Линь Цинюй поинтересовался: «Травма Сяо Чэна как-то связана с тобой?»

Услышав слова «Сяо Чэн», глаза Шэнь Хуайши дрогнули, но вместо того, что ответить на вопрос, он обратился к нему с просьбой: «Я прошу лекаря Линь позаботиться о Чжу Даге. Пожалуйста, позвольте ему вернуться в Сюйчжоу к мирной жизни».

Линь Цинюй спросил: «А как насчет тебя? Куда ты отправишься? Ты можешь избежать преследования отряда Тяньцзи?»

Уголок губ Шэнь Хуайши дернулся, он криво улыбнулся: «Вы... вы беспокоитесь обо мне? — он медленно опустил голову. — Никто никогда не беспокоился обо мне, кроме моей семьи. Лекарь Линь, если я перестану принижать себя, вы будете относиться ко мне как к другу?»

Линь Цинюй тихо произнес одно слово: «Возможно».

В глазах Шэнь Хуайши вспыхнул огонек, но он снова быстро оцепенел: «К сожалению, уже слишком поздно».

Линь Цинюй промолчал. Он достал из рукава аптечку, которую приготовил ранее этим утром: «Пожалуйста, возьми это».

«...Что это?»

«Лекарство, которое имитирует смерть. Ты можешь использовать его, чтобы сбежать, если это будет необходимо».

Шэнь Хуайши убрал аптечку: «Спасибо. Тогда... — он пристально посмотрел на Линь Цинюя. — Я ухожу».

Линь Цинюй смотрел, как тот удаляется. Внезапно он спросил вдогонку: «В ту ночь у тебя дрогнула рука, или дрогнуло сердце?»

Шэнь Хуайши замер. Он молча помотал головой и медленно вышел из зала. Он так и не ответил на вопрос Линь Цинюя.

Какое-то время Линь Цинюй еще побыл в зале. Когда он вышел, то увидел стоящего под карнизом Гу Фучжоу, мужчина глядел на туманную завесу дождя и казался погруженным в свои мысли.

Капли дождя стекали с карниза и разбрызгивались по замшелым каменным ступеням, Гу Фучжоу очнулся от своих мыслей: «Закончил? Ты видел его?»

Линь Цинюй утвердительно кивнул: «Он сказал какую-то бесполезную чушь, — но сделал паузу, поправился. — Ну, не совсем чушь. В общем, Шэнь Хуайши должен покинуть столицу».

Гу Фучжоу улыбнулся и заметил: «Когда Сяо Чэн очнется, то обязательно будет искать его. Один бежит, другой преследует. Даже с крыльями они никогда бы не смогли полететь».

Линь Цинюй недовольно проворчал: «Ты все еще думаешь, что Сяо Чэн очнется?»

«Независимо от того, выживет Сяо Чэн или умрет, мы должны готовиться к худшему».

«Хуже всего то, что он жив и остается наследным принцем. В таком случае мы не можем тронуть императора». Но император, очевидно, начал думать об императорском лекаре. Может быть, однажды его попросят остаться и прислуживать императору в постели. Второй брак нужен не только Гу Фучжоу, но и ему.

«Тогда вопрос о нашем втором браке вынесен на повестку дня, — Гу Фучжоу снова заговорил об этом. — Цинюй, ты действительно так не хочешь жениться на мне?»

Линь Цинюй думал над этим снова и снова: «Не женюсь».

Не говоря уже о том факте, что он просто этого не хотел. Но даже если бы и хотел, это просто мезальянс. Главнокомандующий первого класса, ставший супругой императорского лекаря пятого класса, это было бы прямым вызовом для всего Императорского цензората Даюй.

Гу Фучжоу не сдавался: «Ты действительно не хочешь? Ты бы предпочел лучше умереть, чем взять меня в супруги?»

«.....Угу».

Гу Фучжоу не мог понять мыслей Линь Цинюя: «Может быть, ты хочешь стать моей супругой? Такого не может быть, верно? Разве ты всегда не думал, что мужчине унижительно носить женский свадебный наряд?»

Линь Цинюй равнодушно проговорил: «Унижительно или нет, я уже прошел через это дважды».

«Дважды? — Гу Фучжоу удивленно спросил. — Когда это стало дважды?»

На мгновение Линь Цинюй ошеломленно застыл, затем усмехнулся и поправился: «Я просто оговорился».

«Цинюй...?»

Улыбка Линь Цинюя не была насмешливой. Скорее, в нее было вложено немного мягкости и спокойствия. Но по какой-то причине Гу Фучжоу почувствовал, что его улыбка была еще немного грустной.

Автору есть что сказать:

Атмосфера немного грустная, поэтому давайте поговорим о чем-нибудь забавном, чтобы поднять настроение.

Откуда у нас гун соленая рыба? (Чисто развлекательный вопрос, но ответ будет раскрыт позже)

1. Ляонин
2. Сычуань
3. Гуандун
4. Цзянсу

Переводчику есть что сказать:

Ну, можем смело игнорить сей вопрос. Вряд ли мы разбираемся в особенностях мужчин из разных провинций Китая... я точно нет. Но если кому-то интересно, можете поискать.

(„• - •„) У нас прибытие в команде, наш новый редактор – drz76, с нами с 09.01.2023. Как видите в тексте есть правки, потом весь текст приведем к единообразию.

<http://bllate.org/book/15122/1336680>